

ОКСАНА
ВАСЯКИНА

ЕКАТЕРИНА
ПИСАРЕВА

ВЕТЕР ЯРОСТИ

ЕВА СОЗДАНА НЕ ИЗ РЕБРА,
А ИЗ ПРИНУЖДЕНИЯ

18+

Женский голос

Оксана Васякина

Ветер ярости

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Васякина О.

Ветер ярости / О. Васякина — «Издательство АСТ»,
2019 — (Женский голос)

Эта книга написана в удивительном и редком «жанре»: предельно личный разговор о травме, насилии и любви перемежается с еще более личными произведениями. Такая структура дает возможность погрузиться в произведения и контекст, в котором они создавались. Тексты Оксаны Васякиной ломают привычное представление о поэзии и ее предмете. Сама жизнь, ее рутинные процессы и вещи бытовой реальности становятся поэзией. Цикл текстов «Ветер ярости», в честь которого названа книга, делает системное насилие над женщинами видимым.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Васякина О., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Почти всё о Еве	6
Кузьминки	9
Кузьминки	10
Эти люди не знали моего отца	18
Эти люди не знали моего отца	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Оксана Васякина

Ветер ярости

- © Васякина О., текст
- © Писарева Е., интервью, составление
- © Панкевич С., фото на обложке
- © ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Посвящаю эти стихи своей матери,
Васякиной Анжелле (17 августа 1970 г. – 18 февраля 2019 г.)*

Почти всё о Еве

Когда я закончила читать эту книгу, то пошла гулять, потому что она требует прогулки, хочет, чтобы с нею погуляли. Как пишет ее автор, тексты и возникали во время ходьбы. (Внутри этого нарратива вообще есть некоторое количество инженерии внутреннего текстопроизводства, то есть то, что в советские годы называлось «секреты мастерства»; гулять и писать одновременно один из способов письма, это работа ритма, механики воображения.) Во время ходьбы стало понятно, с какой наррацией сопрягается в моем уме этот корпус текстов. Это рассказ одного грузинского сценариста, мы записывали с ним в Тбилиси программу через три года после русско-грузинского военного конфликта августа 2008-го. Он сказал, что во время русских бомбежек города хотел выбросить в окно собрания сочинений Пушкина и Толстого, но потом подумал: когда моя дочь подрастет, кто расскажет ей о первом бале Наташи Ростовской? Книги он выбрасывать не стал, в разговоре вспомнил известную позицию Милана Кундеры по поводу русских танков в Праге и ответственности русской культуры за Вторжение, а также полемику с ним Иосифа Бродского. Так вот, когда на сайте Радио Свобода появилась распечатка этой программы, никто не сомневался, что русские бомбили Тбилиси. Когда еще через пару лет я написала об этом разговоре в колонке на том же сайте, последовали комментарии пользователей: вы врете, вы что, с ума сошли? Как мы могли бомбить Тбилиси??? (Примечание: бомбили промышленные окраины, не центр и не жилые кварталы, но от этого жителям, в том числе русскоязычным, было не веселее.)

Очевидная вещь: Васякина достает из мира то содержание, о котором лучше не думать. Не то чтобы насилие как вертикаль власти и его конкретный антропологический конструкт, сексуальное насилие, было совсем уж закрытой зоной, это никакая не секретная лаборатория. То, что творится за закрытыми дверями квартир и спален, обсуждается в мире и в России не только благодаря очередной волне феминизма, но и в результате усилий поп-культуры в ее голливудском варианте. Массовые изнасилования как инструмент военных действий и оружие массового поражения давно зафиксированы в исследованиях военных антропологов, конфликтологов, психологов на огромном материале XX и уже XXI веков. Просто большинство народонаселения здесь, на описываемой Оксаной территории, вообще не готово обсуждать устройство насилия, реагируя в том духе, что «мы не могли бомбить Тбилиси, мы хорошие, плохие не мы, они сами виноваты, они нас провоцировали». Как показывают события последней пары лет, от флешмобов в соцсетях до вполне конкретных кейсов внутри литературного сообщества, нет ни языка разговора (все заканчивается трусливыми полупризнаниями с последующим развоплощением и нервными манифестами), ни юридического представления о процедурах, ни психологического прикрытия жертв, которые осмелились заговорить. Авторка по имени Оксана Васякина делает огромные сознательные усилия по созданию такого языка. Он может показаться простым, плакатным, вызывающим и педалирующим сторону обвинения. На самом деле это легкое, всего лишь легкое смещение фаллоцентрической и мизогинной оптики, к которой с младенчества приучают всех жителей этого падшего мира. Как заметила по поводу удивленных реакций мужчин-коллег на флешмоб #Янебоюсьсказать поэт Татьяна Зима, цитирую по памяти: да, именно это и происходит с вашими бабками, матерями, сестрами и дочерьми, именно это, и гораздо хуже.

Так получается, что всё нужно делать впервые, потому что никто больше за тебя не поделает, а ты почему-то видишь то, чего не могут видеть другие. Этим знанием честный человек обязан поделиться. Для этого «первого поступка» постепенно складывается, конструируется собственный язык, то, что называется «план выражения». Это связанные вещи: совместное психическое, умственное и мышечное усилие. То, что делает эту работу Оксаны очень ценной, это ее полная сознательность и осмысленность. Несколько раз в интервью, которое сопровож-

дает корпус стихов, она говорит о том, что хотела найти смысл в том бедном существовании, которое вела ее семья, в этом несчастном быту, в униженном бытии. «Я пыталась понять... где в истории и искусстве место для моей бабушки и ее еды, за которую она так беспокоится, я не находила себя и бабушку в литературе, а мне хотелось, чтобы во всем, что происходит со мной, даже в самом паршивом и неприглядном, был смысл». Тут Оксане Васякиной передает привет не Моника Виттиг и не Сюзан Зонтаг, а самый что ни на есть базовый и популярный психоаналитик XX века, но не Фрейд, другой мужчина, который учил находить смысл жизни в наитяжелейших обстоятельствах. Собственно, это доктор Виктор Франкл, который утверждал, что человек каждое утро должен сам определять для себя смысл своего сегодняшнего дня, даже в концлагере. Вспоминается тут и замечание отца Брауна, то есть Честертона, что каждый человек для Бога очень важен, и важен одинаково, но для людей это одна из главных теологических проблем. Васякина своим собранием сочинений и высказываний дает развернутый ответ, в чем смысл ее жизни и в чем ее важность. Описать этот смысл для любого человека способен только язык воображения, а создать – острое чувство бытия здесь-и-сейчас, усердное вопрошание к существованию. Поэтому предьявление в книге такого сюжета, как ежедневный труд молодой интеллектуальной гастарбайтерки периода полураспада советской империи – это жест политический, разумеется, но и вполне религиозный, и естественно-антропологический.

То, как именно Оксана это сделала, заставляет меня снова вспомнить Наташу Ростову, ее первый бал, ее характер. То есть люди, которых не существует, не существует больше, и вряд ли они существовали бы для меня вообще, существуют теперь благодаря этому тексту. Как живого вижу ее отца, водителя-дальнобойщика, который постоянно молчал, читал газеты и умер молодым от СПИДа. Вижу ее мать, которая умирала от рака, пока создавались циклы этой книги, и умерла, когда рукопись находилась в работе. Я даже представляю себе читателя-читательницу, которые позавидуют этой романтической биографии, позавидуют тому, как круто путешествовать автостопом, жить в Кузьминках, быть лесбиянкой и таскать пачки книг в Электротеатре, круто иметь таких родителей и жить в молодости в такой жопе мира, как Усть-Илимск. (Нет, друзья, сделайте это самостоятельно, пожалуйста.)

Это женский мир, выстроенный с первооснов женского ребенка. Оксана выстраивает его, как в первый раз, поэтому так видны его нелепости, магическая структура и антиразумные противоречия. Мать, бабки, тетки, подруги и возлюбленные, их повадки и стереотипное поведение хорошо изучены и рассказаны. Ева создана не из ребра, а из принуждения. Ее дурное поведение приписано ей позднейшим образом. Она хочет быть собой и быть счастливой. Это очень простые желания. Это почти всё о Еве.

Елена Фанайлова

Мы познакомились, когда я делала материал о современных молодых поэтах для Афиши Daily. Оксану я видела и ранее – мы учились в Литинституте и кратко пересекались на пространстве тесного институтского двора, но как-то никогда не разговаривали. Я знала, что она была на пару курсов младше и училась на семинаре у Евгения Сидорова¹, что тусила в кругу молодых поэтов, что делала какие-то социально важные акции. Через несколько лет после (моего) выпуска, ко мне попала в руки книга «ветер ярости» – и я не могла думать ни о чем, кроме женщины, написавшей эти тексты. Это не было похоже на литинститутскую лирику: она разламывала сознание и стереотипы. Напечатанная на принтере брошюрка, тоненькая и беззащитная, совершенно поразила меня: свободой, радикальностью, бесстрашием, отчаянием. Не предназначенная для мужских рук, она выглядела манифестом женского освобождения, способом преодоления травматичного опыта угнетения. Было

¹ Евгений Сидоров – советский и российский литературный критик, профессор Литинститута.

понятно, что каждое слово здесь выстрадано и – при всей простоте – обладает какой-то заклинательной мощью. Я пообщалась с Оксаной о том, как травмы и время влияют на формирование поэтической речи, и поняла, что это разговор, который хочется продолжать. Потому что это тоже – поэзия.

Екатерина Писарева

– Оксана, все твои тексты основываются на жизненном опыте, насколько я понимаю. Но начнем издалека. Ты знаешь историю своего рода?

– У меня мало информации о моей семье, но кое-что я знаю. По материнской линии – это те крестьяне, которые переселились на Камчатку при Петре, потом часть семьи переехала на станцию Зима. Со стороны отца – тоже крестьяне, жили в Астраханской области; я помню своих прадеда и прабабку, когда я была маленькой, они уже были на пенсии. Мой прадед был рыбак, а прабабушка стряпала бесконечные пироги из рыбы и садовых яблок. Она знала старые молитвы, она пронесла их сквозь всю жизнь в засаленной тетрадке, рассказывала мне, что во время войны в селе остались одни женщины, и они собирались в ее доме, переписывали эти молитвы, потому что верили, что тогда мужчины придут живыми. Когда я говорю людям, что родилась в Сибири, все думают, что я внучка декабристов или тех, кто пострадали от сталинских репрессий, но это не так. Мне кажется, что мои предки были очень похожи на героев фильма Кончаловского «Сибиряда», они жили себе на протяжении всего двадцатого века в своих лесах и только слышали о революции, коллективизации, голоде, войне; история бьет их, но только по касательной, в остальном они хранят свой уклад. Может быть, все было совершенно по-другому, но мне хочется верить в такой порядок вещей.

– Насколько твои тексты зависят от твоей биографии?

– Максимально. Конечно, в них есть художественная составляющая, но она присутствует в моих текстах только в качестве метафоры. Я не понимаю, как можно писать литературу, оторванную от жизни, – это невозможно. У меня есть моя жизнь, я ее пишу вместе с текстами.

– То есть если жизнь скучная, обыденная – тексты не рождаются?

– Мне кажется, моя жизнь очень скучная, думаю, я пишу, чтобы эту скуку наделить ценностью. Мои тексты состоят из скучных невзрачных вещей – магазина «Пятерочка» и парка Кузьминки. Иногда из ужасных – насилия и боли. Я помню, когда я была маленькая, я смотрела на бабушку, которая пила чай из граненого стакана, и пыталась понять, где в истории и искусстве место для моей бабушки и ее еды, за которую она так беспокоится, я не находила себя и бабушку в литературе, а мне хотелось, чтобы во всем, что происходит со мной, даже в самом паршивом и неприглядном, был смысл.

– Всего в книге шесть циклов. Расскажи, хронологически что за чем появлялось?

– «ветер ярости» я писала вместе с циклом про книжный магазин – «Эти люди не знали моего отца». А потом уже появились «Кузьминки» и текст «Что я знаю о насилии», который вышел на Кольте, потом «Сибирь» и «Проспект мира».

– Расскажи мне о них, в каком состоянии ты была, когда появлялся каждый? Что повлияло на появление этих текстов?

– Давай по порядку...

Кузьминки

Москва – удивительное место, она включает в себя много разных городов, я особенно люблю спальные районы, потому что когда ты в них оказываешься, ты попадаешь в любой маленький российский город. И вся зелень и хрущевки, особенный темп времени внутри этих районов напоминают мне Усть-Илимск. В Кузьминках мы жили в крохотной квартире-хрущевке, в такой квартире я росла и прожила 17 лет, во дворе этого дома я сушила белье и выходила покурить к подъезду. Там много бездомных котов и особенный провинциальный шум, который невозможно найти в центре Москвы. Мы прожили в Кузьминках два года, почти каждый день я ходила в парк, парк там потрясающий, и потрясающее время в этом парке – оно очень медленное, как будто сгущающее все вокруг. И Кузьминки заставили меня вспомнить то, чего мне до переселения туда помнить не хотелось – свое детство и чувство дикого одиночества, а еще щемящей любви. Я приходила из парка после прогулки и писала про Кузьминки.

Кузьминки

темные предновогодние дни
талый снег над нами
в черных проталинах льда утки стараются
жить едят принесенный хлеб
мальчик швыряет мякиш и селезни
боками расталкивают коричневых уток
натываются клювами на грязноватый хлеб

в черных проталинах отражаются складки неба
деревья не отражаются они на морозе черны
деревья плывут на меня когда я иду по тропе
в запахе потеплевшей коры
влажного серого снега

деревья дрожат в звуке церковного колокола
тропа дрожит и ведет на гору
колокол нажимает
тянет людей
к субботней службе бегут
женщины и мужчины
мальчиков оставляют играть на дворе
мальчики смотрят на пылающий храм
мальчикам неинтересно
они скучают по играм еще
так идет рождество

многие женщины в пёстрых платках кланяются
каждому слову
каждому пропетому звуку
накладывают кресты
я вхожу в храм
я рассматриваю его как музей
богородица и иисус в золоте в бирюзе
складки золотые на шее матери богородицы
золотые кольца каменные бусы серьги
на золотых цепях как грибы
за стеклом у задумчивых лиц святых
золото как виноград как ягоды спелые

в храме всегда осень
увядают старухи среди золотых облачений
ясно-голубой купол бесконечным утренним небом
на меня засмотрелся
и кто-то позвал
старуха потянула меня за рукав

чтобы я обернулась как многие здесь
дать дорогу священнику
его ухоженной бороде
дыму кадила

и я увернулась от дыма
я хотела разглядеть его лицо
и выражение взгляда

он шёл золотой механической куклой
и другие кланялись ему тысячу раз
как колоски

II

1

ходим как беспризорные дети
я в вязаной шапочке ты в коротких штанах
замороженные душными пятиэтажками
снегом водой собаками стариками
густонаселенные красивые
провинциальной красотой кузьминки
такие тихие и зрелые
такие громкие оглушительные
как тогда
в твоём детстве
вы сбежали от войны
и поселились на первом этаже хрущевки
жили впроголодь

ты любила шоколадки
даже сейчас когда у тебя есть деньги
я вижу как тыходишь
в магазине к полке с печеньем
и шоколадками
и в твоих глазах занимается свет сожаления
и ты уменьшаешься

а ещё мы собираем монетки
десятирублевые и пятирублевые
ходим к стеклянному автомату
с мягкими игрушками
он со стальными щупальцами

я достаю монетки из кошелька подаю тебе

одну за другой
и ты управляешь этой блестящей лапой
с помощью рычага
я показываю что хочу вон того бегемота
вон ту свинку пеппу вон того зайца
эти игрушки конечно же очень большие
и никто не сможет их достать
потому что щупальца скользкие
и на самом деле выгоднее всего подцеплять
маленькие игрушки
но ты все равно меня слушаешь
и охотишься на бегемота
свинку или полосатого зайца

мы кладём монетку за монеткой
и ты выуживаешь из автомата
маленького красного цыплёнка
ты очень гордишься своей добычей и я тоже
горжусь тобой

когда ты смотришь
на гору цветных китайских игрушек
ты вся становишься отдельная
и я могу наблюдать твою красоту
твоё светлое радостное лицо
ты такая сложная
в этой охоте на плюшевого бегемота

2

мы ходим здесь
и кузьминки сжимают нас
своей низкой плотной духотой
они сближают нас и мы плечо к плечу
и грудь к груди прирастаем друг к другу
превращаясь в одну
четвероногую грустную женщину
наши губы смотрят друг на друга
и шелестят имена
имена умерших или далеких родственников
которые питали нас когда-то
молоком своего сиротливого тепла

ты повторяешь Галина Галина Галина
и я чувствую её присутствие здесь
в нашей полуразрушенной съемной квартире
Галина кажется мне

медленной грустной женщиной
она живет здесь
вместе с нами

и мне кажется
куда ни глянь
притаились маленькие и большие
бесплотные слабые женщины
они приходят к нам
как дикие животные приходят в города за едой
они приходят к нам
чтобы немного согреться и успокоиться
они смотрят на нас
они спят вместе с нами
они тихие
и столько скорби они вместили
столько косноязычия

3

этот опыт сращения действует истощающе
наша любовь
в ней нет воздуха нет дыхания
а боль и нежность
и немного гордости
немного просвечивает она на солнце
трещинками красными
и пульсирует
бьется бьется бьется бьется бьется

я жду то время и место
когда мы станем белые камни
тяжёлые и неприступные
страшные в своём покое
как лысые молчаливые головы
египетских захоронений
молчаливые и белые и тяжёлые
и равные друг другу
и равные самим себе

III

глаз не хватает
на мертвый ковёр
из палых коричневых листьев

он выступает наружу из снега
и снег тонет в земле

ты заворачиваешь хрустящий пакетик
с крошками от сухарей и кладёшь в карман
чтобы потом крошки вытряхивать на ладонь
или вот так из пакетика прямо в рот ссыпать
соленые жирные
без сладкой воды она кончится
ты говоришь этот вкус – он такой особенный

а мне он кажется грустным

мы идём между деревьев
и ты за мной не поспеваешь
ты внимательно ешь свои сухарики
запиваешь их газировкой
я говорю а зачем
ведь мы только что ели дома
и ты отвечаешь не знаю я не могла удержаться

уже появились на ветках бархатистые почки
они еле видны
подношу их близко к глазам
почки белые немного мокренькие и беззащитные
как твоя спина

я думаю что многие вещи здесь в этом парке
очень похожи на тебя
например бляхи льда на зеленой воде
напоминают мне цвет твоих глаз

а все собаки которых мы встречаем
я так жалостливо и щемяще смотрю на них
мне хочется всех их целовать
в потную душную шерсть
познакомиться с ними со всеми
они кажутся мне такими несчастными
когда смотрят на своих хозяев
такими одинокими
и ты кажешься мне одинокой

в лесу видно какие мы маленькие на самом деле
с берега смотрим как люди на другом берегу
разными стайками передвигаются
и они хрупкие на коричневой земле среди построек
и плоских безлистных деревьев
я слышу их веселые крики и смех
вода приносит звук как из далекого сна

и мы часто думаем
что наверное когда-нибудь
мы станем такими беззаботными фигурками
быстро двигаться смеяться болтать
и видимыми издалека

но сейчас мы очень тяжёлые
как эта листва под ногами
мы влажные и сырые
как будто запревшие
и очень медленные и слепые

IV

хожу по льду
заглядываю в серые влажные лунки
оставшиеся от рыбаков
смотрю в мир подлёдный и представляю
там в крошечке льдинок спит рыба
спит лягушка трава под хлопьями ила
а здесь надо льдом
брейгелев душный свет
и тело хлебушек золотой
с коричневыми шелушинками
теплое мягкое под пуховиком
здесь в толще воздуха спит черный парк
и лыжники лыжники скользят по тропинкам
тихо глотает снег голоса
и в немоте его кажется что иду крошечная
и в немоте его иду как будто бы совсем старая
легкая и пустая

V

здесь в Кузьминках нет богачей
только растравленные шашлычным
духом мужланы с пивными баклажками
серые мигранты
уставшие лесбиянки
коты и собаки бездомные

только земля напивается тяжестью от дождей
я смотрю на тебя
ты стоишь на стволе

дерева сверженного ураганом
ты крепко держишься
и улыбаешься как бы маша мне своей улыбкой
как ладонью издалика

здесь в Кузьминках простор
простор нашей памяти
здесь в Кузьминках я по-детски стыжусь
за наш убогий быт и слабость
мы бежали от пьяного изверга
подгоняемые его хлопками
и криком Пиздуйте отсюда!
мне было стыдно за слабость
за наши скупые силы
и мы бежали и слышали
как он дышит нам в спину
пьяными своими ноздрями
как скребет по асфальту
пластиковая бутылка
которую он пинками
подгонял нам вслед
мы спрятались в черных деревьях
а потом шагали с бравурной отдышкой
и я говорила если бы у меня был пистолет
мы бы его победили

здесь в Кузьминках нет богачей
здесь в Кузьминках мы все
живем в убогих жилищах
здесь языки кошек и птиц
перемежаются с языками
мигрантов плачем детей
скрипом дворницкого велосипеда
мы здесь в одном теле
здесь мне по-детски стыдно
за свой неказистый быт
под прозрачным куполом
политики и нищеты
одним существом мы живем
делим на всех
воздух и магазины
одну воду пьем
Кузьминки многоголовые
голодные в злом стыде
за себя за свою нищенскую
тучность многоглазую

здесь мне по-детски стыдно
как будто бы каждый миг

мать меня заводит за картонную
перегородку на рынке
и просит примерить
джинсы и пуховик
и все в этом торговом ряду
смотрят на мои колготки
на мои набухающие соски
мать мусолит тонкую сигарету
торгуется а потом мы идем
покупать мясо яблоки соль и водку

мы в Кузьминках живем
целую долгую вечность
мы никогда сюда не приезжали
здесь усть-илимск здесь грозный
здесь подольск здесь волгоград
любой российский город
с сладким далеким названием
в тревожных метаньях листвы
в мокрых стенах хрущевок

каждый день мы здесь проживаем
как скудное целое детство
вот ты проснулась
на крошечной простыне
вот засыпаешь в нашей большой колыбели
и все ведут тебя и меня
в некрасивый сад на горе
в заминированную школу
в белую поликлинику
на бесстыжий сибирский рынок

Эти люди не знали моего отца

Я люблю длинные названия, в них можно сразу многое рассказать, поэтому меня всегда забавляли романы эпохи возрождения, например. На самом деле у цикла «Эти люди не знали моего отца» изначально было название вот такое: «Я работаю управляющей независимого книжного магазина «Порядок слов в Электротееатре²», а «Эти люди не знали моего отца» – строчка, которую мы взяли в качестве названия для публикации текстов на сайте «Сноб», потому что формат интернет-публикации требует короткого броского названия. Короче, этот большой цикл про работу в книжном магазине. Я писала этот цикл осенью и зимой 2016 года, я только начинала работать в «Порядке слов», маме сделали операцию по удалению груди, и я очень много думала о болезни и смерти. И этот цикл о столкновении стерильного мира, который для меня представляет из себя модное фойе Электротееатра, и мира смерти, а еще тяжелого труда работницы книжного магазина. У меня в голове не укладывалось, как можно одному миру показать другой, они так близко, и я – граница между ними, но при этом каждый из них находится в слепой зоне для других. Так красивая девушка в белоснежной блузке смеется над стихами Лиды Юсуповой³, а я не могу взорвать театр, потому что мой тратил – он из мира болезней и борьбы за жизнь, мой тратил здесь не работает, он просто игрушечка, бутафория. Я писала этот цикл, когда ездила из дома на работу и обратно, или когда сидела в столовой «Грабли» на обеде, мне кажется, если внимательно читать, можно услышать ритм шагов. Основная часть текстов была написана по дороге от метро Тверская к Электротееатру в заметках на смартфоне.

² Электротееатр Станиславский – модный театр в центре Москвы под управлением Бориса Юхананова.

³ Лида Юсупова – современная поэтесса, прозаик, автор сборников “Dead Dad”, “Ирасалимль” и др.

Эти люди не знали моего отца

это стихотворение
поймут только те, кто имеет отношение к актуальной поэзии,
сказать вернее, к тому её сегменту,
который представляет поэтесса Лида Юсупова
и ещё около пятидесяти поэтов и поэтесс,
чьи книжки продаются в
независимом книжном магазине
Порядок Слов в фойе Электротeatра.
теперь я работаю в книжном магазине
каждое утро приходя на работу я поднимаю черную шторку
вытаскиваю и выставляю книги на прилавок
каждый день я выставляю их по-новому я знаю
вечером я буду возвращать книги под черную шторку
я думаю о том что это похоже на буддийские мандалы
а я кропотливая гномиха погружаюсь в тишину
и расставляю книги
новый день – новый порядок
чтобы вечером его разрушить
а в течение дня покупатели и гости театра забирают
или меняют местами книги
и тогда я думаю что когда монахи строят мандалу

ветер и влага делают своё дело
узоры подтаивают и песок смешивается
я хочу сказать что та мандала
которую монахи только только закончили

через мгновенье другая

а через час совсем не та мандала которую они строили
вот и люди приходят
берут книги переставляют с места на место
иногда наверное воруют и портят
но я не хочу думать об этом
я думаю о том что люди это как дождь или ветер
когда моя мандала готова
на самое видное место я кладу маленькую страшную
книжку поэтессы Лиды Юсуповой
в надежде что кто-нибудь кто не знает меня и Лиду
подойдёт и купит
и тогда я посмотрю этому человеку в глаза
посмотрю этому человеку в глаза со всей нежностью
и скажу вы знаете это моя любимая поэтесса
и человек все поймёт
и пойдёт и прочитает эту книжку

когда доберётся до Приговоров вспомнит меня
и кивнёт или просто что-нибудь сделает такое
что я на другом конце Москвы пойму
человек добрался до Приговоров

особенно перед спектаклем очень много людей
и все берут поддержать маленькую
страшную книжечку Лиды
берут её с самого видного места
открывают и сразу закрывают и кладут обратно
а потом оглядываются украдкой по сторонам,
не видел ли кто,
что они взяли в руки голубую книжечку с телом отца Рона Мьюека

я знаю эта скульптура на самом деле очень маленькая
как и все мертвые люди
Рон Мьюек говорил
что когда увидел своего отца мертвым
этого сильного большого человека
он удивился какой же он стал маленький
и сухой когда
умер

когда я видела мертвым своего отца
я вспомнила что нужно подержаться
за ноги
чтобы не бояться
так говорила покойная тётка
за её ноги я не подержалась
она умерла в Сибири от туберкулёза
несколько лет назад
всем кто говорит что сегодня лечат от туберкулёза
и от него уже давно никто не умирает

отвечаю нет

моя тётка умерла от туберкулёза
про себя думаю
что умерла она от себя
а поводом был тубик
так она его называла
она говорила если боишься подойди и возьми за ноги
и я подошла и взяла его за носки ботинок
я почувствовала своими пальцами пустоту под твёрдым кожзамом
и подумала наверное они купили ему самые дешёвые ботинки
из всех что были в ритуальном агентстве
и прикинула
стоили они рублей триста
теперь на его ногах весят примерно как воздух

я посмотрела на него
когда поняла что не страшно
а на самом деле было
с самого начала не страшно
но нужно было выдержать ритуал
я посмотрела на него
подумала какой странный
похожий на папье-маше
но не маленький
а
пустой

люди отбрасывают эту книжечку серо-голубую
как если бы это был чей-то носовой платок
или порнокартинка в конверте
но это поэзия
а они её стесняются думаю я

сегодня опять был спектакль
было много людей по-разному одетых

даже пришёл как мне показалось чей-то телохранитель и взял книжку
одного известного антрополога и сказал что очень хороший этот антрополог
но про кино он у него ничего не читал поэтому стоит купить а потом пришёл другой
телохранитель и попросил его заменить себя потому что он купил в буфете пирожки
и хочет поужинать тогда тот мужчина быстро рассчитался и ушёл за напарником.

люди ходили и смотрели брали укладывали на место
переставляли книги
покупали их
делали все как обычные люди
которые между первым и вторым звонком
не едят пирожок и не пьют шампанское
делают что-то другое

и тогда подошёл взрослый мужчина
он взял книжечку Лиды и начал её читать с середины
потом полистал и ещё читал её
я давала сдачу телохранителю
а потом другим людям

мужчина положил книжечку и ушёл
а потом вернулся

с ухоженной девушкой
он снова взял книгу Лиды
и передал девушке
я смотрела на неё
и она в белой белой белой
блузке
с прозрачной татуировкой
на красивой красивой красивой коже
приснула смехом
она читала и смеялась и перелистывала страницы
и смеялась

красивая красивая красивая женщина
в самом центре столицы
в модном современном театре
прыскала смехом над маленькой страшной книжечкой в руках

и мужчина спрашивал у неё
хочет ли она такую поэзию себе
и она отвечала нет
и смеялась

она закрыла книжку
торопливо положила её
а потом нечаянно встретилась со мной взглядом
я ждала её взгляда все это время

она смеялась мне в лицо и говорила спасибо

так вышло
когда она начала говорить спасибо
я начала говорить ей, вы знаете это моя любимая поэтесса

она меня не услышала
потому что говорила насмешливое спасибо

был второй звонок
пришла продавщица программочек чтобы купить себе журнал
я отдавала сдачу
и уронила монетку 50 копеек
она сказала ничего
но я начала искать монетку на полу
она смутилась
потому что я искала эту монетку
для неё для продавщицы программочек
молодой девушки

но у меня было чувство
что я до сих пор смотрю на ту женщину

и она говорит спасибо
а ещё что ей не нужна такая поэзия
она все смеётся смеётся смеётся
ей не нужна такая поэзия
как монетка
ценностью в 50 копеек
продавщице театральных программ

* * *

Команда ребят из России разработала мобильное приложение VIRRY. Через это приложение дети могут наблюдать за настоящими животными онлайн и узнавать о них разные интересные подробности. Дети смотрят прямую трансляцию из зоопарка и отвечают на вопросы приложения об этих животных, например, такие: «Как ты думаешь, чем питается розовый фламинго?». И если дети отвечают верно, то им начисляется балл, Николай Николаевич Дроздов, который озвучивает это приложение, так и говорит: «Правильно, ты получаешь один балл».

Я пришла к себе в книжный, расставила книги,
в фойе готовилась съёмка какой-то передачи,
я спросила у оператора, кто тот старик
рядом с молодой девушкой, и парень ответил
«Вы что, не узнали? да это же Николай Николаевич Дроздов!»
Я ведь с самого начала его узнала, только не поверила в то,
что это Николай Николаевич Дроздов.
А потом услышала его голос,
это был Николай Николаевич Дроздов.
И я сказала парню:
«Какое счастье! буквально недавно
мы с девчонками пересматривали передачу «Остаться в живых»,
где они с Децлом накормили всю команду ядовитыми лягушатами,
все еще потом мучались животами, помните?»
Парень снисходительно улыбнулся, и я спросила
«Как вы думаете, могу ли я сфотографироваться
с Николаем Николаевичем?»
Он ответил «Да, наверное, почему бы и нет».

Они долго что-то снимали
и даже устраивали скайп-конференцию
с Николаем Николаевичем.
Все это время я сидела в своей книжной лавке, и перед глазами
плыли
цапли из заставки передачи «В мире животных»
и пела и звучала эта прекрасная музыка,
еще я немного плакала от скудной тоски внутри груди,
и все ждала, когда закончится съёмка, думала, что смогу
хотя бы чуть-чуть поговорить
с Николаем Николаевичем Дроздовым
или даже сфотографироваться,

а потом думала, что желание сфотографироваться со знаменитым человеком,
это очень и очень пошло, поэтому лучше вообще делать вид,
что он просто милый старик.
Но, с другой стороны, думала я, Николай Николаевич Дроздов –
это Николай Николаевич Дроздов,
его добрый любующийся пауками голос из телевизора
его нежная улыбка.

Я думала, мы росли под звуки его голоса,
а теперь другие дети слышат этот голос
уже не из телевизора,
а из планшетов и мобильных устройств,
интересно, сколько людей знают этот голос и будут его помнить.
И все же, думала я, нужно с ним сфотографироваться
и потом рассказать маме, что я видела
Николая Николаевича Дроздова.

Девушки в перерывах между съёмками
предлагали Николаю Николаевичу
сок, кофе, пирожные, и Николай Николаевич Дроздов кушал
морковное пирожное
с помощью ножа и вилки.

Но все же, думала я, он такой уже старенький
и знаменитый, что устал от людей,
которые хотят с ним сфотографироваться,
и немного подглядывала за ним из-за стопок книг.
И это так странно, подойти к незнакомому человеку,
даже если ты думаешь, что очень хорошо знаешь его,
и попросить сфотографироваться.

Все закончилось,
девушка ассистентка Николая Николаевича пришла купить
журналы,
и я собрала всю себя и решила спросить,
могу ли я сфотографироваться
с Николаем Николаевичем,
а она обратилась к коллеге:
«Милая, ты же разрешишь красивой девушке
сфотографироваться с Николаем Николаевичем?
Всем прекрасным девушкам такая фотография
нужна».
И милая девушка приняла из моих рук планшет
с открытой фотокамерой,
а я побежала к Николаю Николаевичу Дроздову

Николай Николаевич увидел меня и сделал три шага назад

с выставленной в мою сторону рукой и сказал:

«Я принципиально не фотографируюсь с женщинами».

В статье о приложении VIRRY написано:
«VIRRY в игровой форме учит ухаживать
за животными,
понимать, чем они отличаются от людей, и что у нас общего».

Растерявшись, я сказала ему, что могу притвориться мальчиком,
и он ответил:
«Оставьте, так много сейчас женщин делают вид, что они
мужчины».

И приподнял руку, как будто хотел позвать гарсона,
и сказал: «Мы сделаем так – Артур, встань между нами»,
а затем сказал мне: «Смотрите на Артура»,
но я смотрела на Николая Николаевича,
и тот сказал: «Да нет же, немного смотрите в камеру!»,
я посмотрела в камеру и засмеялась, но не от веселья, а от горькой
досады.

У меня осталось несколько желтоватых в свете софитов смазанных
фотографий,
где мы втроем – старик, молодой мужчина и женщина смеются в
камеру,
я ярче всех смеюсь,
и на самом деле
чувствую себя отвратительно.

Николай Николаевич предложил дать мне «пять» на прощанье, и
я ему не отказала.

* * *

1

мой отец был дальнбойщик
он возил мертвых и живых кур арбуз трубу
иногда по зимам когда нечего было везти
он простаивал в степи неделями
он ждал когда выкопают трубу из совхозных песков
он ждал
неделями
и смотрел как степь меняется к ночи а потом к утру
изо дня в день

степь красива и есть за что её любить
я люблю её хотя бы за то что на неё невозможно
смотреть по долгу
становится страшно тоска закипает в груди
и хочется только бежать и бежать и бежать
пока степь не кончится
после кур он выметал помет и тушки погибших в пути птиц вместе
с соломой
со дна своего кузова и говорил
что больше никогда не станет возить птицу
лучше уж труба
она молчит и не смрадит не умирает
после арбуза он щурился от кислого
запаха испорченных ягод
и выметал осколки зелёных корок черные семечки
побуревшую от жары мякоть
с налипшими мухами и землей
лучше уж труба он говорил
её приходится ждать но она не киснет и не смрадит
а после кур и арбуза еще до зимы все воняет хорошо когда ветерок
а когда ветра нет стоять невозможно запах такой
что мужики ночью выгоняют со стоянки в степь
там спать

он умер от СПИДа
его похоронили над степью
с видом на объездное шоссе

и теперь мне кажется что он лежит слушает степь и ждёт трубы
там под землёй у него портативный телевизор радио и газеты
а ещё молоко
и он ждёт
когда поднимут все трубы со дна совхозных полей
тогда он погрузит трубу и поедет
повезёт молчаливые трубы
тяжелые ржавые трубы

2

я работаю управляющей
в московском филиале
независимого книжного магазина порядок слов
каждую среду иногда по четвергам
я загружаю в багажник такси коробки с книгами и везу к стоянке
грузовиков
чтобы отправить в Питер а потом уже другие коробки обратно
пока мать с отцом не развелись я обманывала

воспитателей и учителей
что у меня болит голова чтобы они позвонили отцу и он забрал
меня
не всегда получалось но до девяти лет я каталась с ним на заднем
сиденье
его волги (он был таксистом в девяностых)
потом джипа (он был водителем какого-то человека из мэрии в
нулевых)

в машине
играла в куклы
учила таблицу умножения
мне нравилось иногда просто лежать и смотреть
как в заднем тонированном стекле плывут появляются и
пропадают
провода и облака мост деревья ветер
после его смерти меня начало укачивать в автомобилях
даже если я сажусь на переднее сиденье уже на второй минуте
мне становится тошно и хочется
выпрыгнуть в окно

таксисты наверное думают что я сажусь на переднее сиденье
чтобы с ними разговаривать

о детях можно ли их бить если они плохо себя ведут
о театре хороший ли электротеатр
и почему он так называется играют ли в нем большие артисты
о книгах например о томике
эротических стихов пушкина с иллюстрациями
о детских книгах
о том какие дорогие теперь учебники
об айфонах
о русском порно
и особенностях московских дорог

а меня тошнит от езды и еще сильнее от их разговоров

один сказал
вы девушки вечно возите что-то тяжелое
я вез одну так у нее чемодан был знаете такой
на колесиках красный
а весил примерно как взрослый мужчина
она его по асфальту-то докатила
а в багажник мы вдвоем поднимали

я сказала
что может быть это и был у нее в чемодане взрослый мужчина
убила мужа
вот и все

он замолчал

и меня почти не мутило

3

по средам и иногда по четвергам
я езжу на такси
к спортивно-развлекательному комплексу
олимпийский
там стоят фуры с книгами
они привозят их из Петербурга и увозят в Петербург
я оказываюсь на стоянке
где толпы мужчин передают друг другу
тяжёлые картонные коробки
они часто подгоняют газели и грузят
по двадцать тридцать пачек
у меня поставки небольшие
отправляю на Питер максимум пять коробок
и забираю примерно столько же
мужики которые привозят мне книги улыбочивые
и всегда одни и те же
часто шутят со мной по-доброму
про то что я ломаюсь с этими коробками
или что даже если поставка оплачена Питером они все равно
не откажутся взять с меня ещё денег
у них на фуре изображена спокойная корова
она пасётся на лугу на фоне голубого бестревожного неба
у них в кузове очень сухо и пыльно
пахнёт картоном бумагой деревом
типографской краской
и никакими не курями и кислыми арбузами
они почти не матерятся
я думаю иногда что дальнбойщики которые возят книги
вообще никогда не матерятся
они счастливые люди
у них очень сухо в кузове
и за книгами приходят не воры труб
а интеллигентные продавцы книг
но это конечно же не так
они матерятся и счастливы ровно настолько
насколько счастливы русские дальнбойщики

я смотрю на их лица заглядываю в их глаза
мне кажется они знали моего отца
одного кажется я даже видела на поминках

после похорон
он даже кажется подсел тогда к моей бабке и долго
о чем-то говорил с ней
но это не так
эти люди никогда не встречали в дороге моего отца
они едут по другому региону
они едут по трассе где ели и ржавые болота
перемежаются с березовыми рощами
мой отец ехал по югу России
где ничего кроме степного ветра не переменяло степи
осень зима весна и лето меняли цвет степной травы
весной сладко пахло полынью
и какой-то безродный куст цвёл
светло-розовым цветом
этот запах был странный и очень щемил сердце
эти люди не знали моего отца
как и другие случайные люди
но каждый раз когда я забираю коробки с книгами
я смотрю им в глаза
и думаю что они такие же как он
они едут и едут без устали
а потом перестанут

4

он умер
от СПИДа
и мне иногда хочется думать что женщина кото
рая его заразил
(конечно скорее всего это была игла
но с другой стороны думаю я
ведь он в дороге мог спать с проститутками
хотя в каждом городе куда он ездил
чаще раза в месяц у него были женщины
так бывает у дальнбойщиков и одиноких женщин)
возможно эта женщина
выполняла миссию по уничтожению мужчин
возможно все женщины это
такая тайная организация
работающая под прикрытием угнетенного класса

женщины вовлечённые в проституцию
это смертницы нашей террористической организации
жертвуют собой ради жизни всех женщин и убийства всех
мужчин
хороший романтический образ складывается
я думаю что я одна из этих женщин

одна из тех кто борется против всех мужчин ради всех женщин

но я знаю что это не так
СПИД существует а борьба нет

5

от СПИДа умирают кто угодно
чужие наркоманы
чужие рок-звезды
чужие манекенщицы
чужие геи
чужие люди
но не чьи-то отцы и братья
вот он умер от СПИДа
и никто об этом не знает и не узнает если не прочтёт этот текст
потому что когда его друг узнал что отец
умер от СПИДа
он удивился и сказал: ведь я с ним из одной кружки пил
и ничего здоров
есть официальная версия смерти моего отца менингит
от менингита может умереть
твой ребёнок
твой отец
твоя мать
твоя сестра
твоя жена
твой муж
кто угодно твой

то что он умер от СПИДа держится в строгом секрете
мне непонятно зачем
хотя когда у меня редко спрашивают от чего он умер таким
молодым
47 лет
я смотрю на человека и думаю что ему ответить
не знаю почему
но иногда мне кажется что я думаю что выбрать
именно от того что есть
официальная версия

на самом деле когда меня спрашивают
чаще всего я отвечаю
что это была ВИЧ-инфекция
это не так страшно звучит как СПИД
от СПИДа не умирает твой отец
а ВИЧ-инфекция может вызвать смерть твоего отца

6

каждую среду иногда по четвергам я привожу книги в
Электротеатр
у меня для хранения книг есть специальная подсобка
мы делим её с ребятами-звукарями они ставят свою аппаратуру
а я храню в ней книги и деньги

я часто воображаю себе что я везу не книги
а взрывчатку
я храню её специально для тайной террористической организации
в которой состоят женщины и дети борющиеся против патриархата

это правда мне ничего не стоит
мирно привезти коробки со взрывчаткой
на такси пронести их через все фойе Электротеатра
может быть мне повезет и будет смена
румяного здоровяка охранника
он поможет мне разгрузить машину
он часто помогает мне таскать коробки

и на втором уровне подсобки куда не то что звукари
даже девушки-продавщицы не ходят
в самом углу можно составить коробки
и подписать на всякий случай
«не трогать, для Наталии П»
и спокойно работать дальше
продавать книги
привозить их и отправлять на Питер
покупать кофе в баре и болтать с барменом
говорить по телефону с поставщиками
заполнять денежные отчеты
помогать пожилым покупательницам оформлять заказы
в интернет-магазине
просить девушек-продавцов заменить меня
если мне нужно отлучиться на одну из дополнительных работ
хранить взрывчатку

это очень просто

и я могу это делать

но это не так

* * *

чего бояться нищие

когда мой отец ещё был жив
никто не знали что у него ВИЧ
и когда вирус начал делать своё дело
у отца отнялась левая сторона
уголок его рта опустился расслабилось веко
левая рука опала
он ходил приволакивая свою левую ногу
и не боялся смерти он вообще ничего не боялся

мы всегда были бедными тяжелыми людьми
мы ели грубую еду жили в съемных квартирах
отец был дальнобойщиком
говорят что дальнобои хорошо зарабатывают
но это не так
его большая машина была не его машина
у него вообще ничего не было
после его смерти
вторую его машину маленькую продали в рассрочку
и этих денег не хватило даже на то
чтобы поставить памятник на могилу

чего мы боялись
отец не боялся ничего
а я боялась что если его парализует
я буду ходить за ним
а он будет жить долго и ненавидеть всех живых существ
и в первую очередь
меня
я боялась потому что у нас не было денег
чтобы на случай болезни отца нанять ему сиделку
лечить его покупать дорогие лекарства памперсы
для взрослых
мазь от пролежней спутниковое телевидение молоко

если бы это случилось
мне бы пришлось бросить две работы в Москве
и поехать в Астрахань
чтобы за ним ухаживать
и зарабатывать там на лекарства сиделку еду для себя и отца
отец умер внезапно и ничего такого не случилось
и я вздохнула с облегчением

у матери рак

сначала ей отрезали грудь
теперь метастазы появились в печени
каждое утро я просыпаюсь не с мыслями
о том как ей больно
и какие унижения она терпит от врачей
городской поликлиники
я думаю о том что когда с ней совсем будет плохо
мне нужно будет позаботиться об услугах хосписа
и достать дорогие
запрещенные на территории российской федерации
лекарства
и найти на это деньги
от этих жалких мыслей невыносимо страшно
и противно от самой себя

я работаю в книжном магазине

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.